

**БИОГРАФИЯ СЕМЬИ УЧИТЕЛЯ КОЛОМЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ
И.М. СЕДЛАКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ РОССИИ
(СЕРЕДИНА 1870-х – СЕРЕДИНА 1970-х гг.)**

Н. С. Ватник

*Государственный социально-гуманитарный университет
(г. Коломна, Россия)*

Аннотация. В статье на основе впервые вводимых в научный оборот документов, извлеченных из архивов России (РГИА, ЦГА г. Москвы, РАН и др.) и Казахстана (архив Бурабайского района Акмолинской области), а также мемуаров и научной литературы рассматриваются биографии членов семьи инспектора и учителя Коломенской мужской гимназии И.М. Седлака на фоне происходивших с середины 1870-х по середину 1970-х гг. в Российской империи и Советской России исторических событий. На примере судьбы семьи Седлак показаны общественные позиции, мировоззрение, социальное поведение, личные судьбы двух поколений провинциальной интеллигенции, которые, в меру своих возможностей, оказывали влияние на развитие просвещения и науки и на общественно-политические процессы в российской периферии.

Ключевые слова: историко-биографические исследования, Московская губерния, провинциальная интеллигенция, славянские стипендиаты, гимназия.

**BIOGRAPHY OF THE FAMILY OF I.M. SEDLAK, TEACHER OF
KOLOMENSKOYE GYMNASIA, AS A REFLECTION OF THE HISTORY
OF THE PROVINCIAL INTELLIGENCE OF RUSSIA (MID-1870s – MID-1970s)**

N. S. Vatnik

*State social humanitarian University
(Kolomna, Russia)*

Abstract. Based on the first documents introduced into scientific circulation, extracted from the archives of Russia (RGIA, TsGA of Moscow, RAS, etc.) and Kazakhstan (archive of the Burabay district of Akmola region), as well as memoirs, scientific literature, and biographies, the article considers family members of the inspector and teacher of the Kolomna men's gymnasium I.M.Sedlak against the background of the historical events happened from the mid-1870s to the middle of the 1970s in the Russian Empire and Soviet Russia. On the example of the fate of the Sedlak family, the paper shows public positions, worldview, social behavior, and the personal fate of two generations of provincial intellectuals, which, to the best of their ability, influenced the development of education and science and socio-political processes in the Russian periphery.

Keywords: historical and biographical studies, Moscow province, provincial intelligentsia, Slavic grant-aided students, gymnasium.

Историко-биографические сочинения, утвердившись в XIX веке трудами Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, Н. К. Шидлера, В. О. Ключевского в качестве одного из направлений отечественной исторической науки, эволюционировали в советское время от жизнеописаний «главнейших деятелей» к рассмотрению персон иного, более демократического ряда. И хотя в 1920-х гг. книги «старой профессуры» еще по традиции были посвящены царственным персонам [33, 21], но основной массив публикаций составляли биографий героических борцов «за Рабочее дело» и «святую Свободу», продолженные позднее сериальным изданием «Пламенные революционеры» и близкими к нему по тематике сборниками в столице и регионах [24; и др.]. Партийное руководство вполне резонно считало их важным средством коммунистического воспитания молодого поколения страны Советов. Влияние скорее просветительское, чем идеологическое имело издание с 1930-х гг. знаменитой серии «Жизнь замечательных людей», значительно расширившей перечень тех, с кого «юноше, обдумывающему житье» предлагалось «сделать бы жизнь» – ученых, военных, литераторов, путешественников, артистов, изобретателей, художников, государственных деятелей и др. А присутствие среди авторов специалистов-историков превращало эти научно-популярные книги в полноценные исследования. В 1950-х – 1980-х гг. общественное признание получили научные монографии А. А. Зимина (об И. Пересветове) и В. Б. Кобрина (об Иване Грозном), «петровский цикл» Н. И. Павленко.

Но подлинный расцвет историко-биографического жанра наступил на рубеже XX и XXI вв., что объясняется и общественным запросом на такого рода сочинения, и политическими переменами в стране в 1991 г., и эволюцией исторической науки в целом к локальности и микро-истории, антропоцентризму и междисциплинарности. Новаии проявились, во-первых, в практически неограниченном выборе изучаемых персон, во-вторых, в расширении источниковой базы за счет привлечения мемуаров, документов рассекреченных фондов отечественных архивов и материалов о жизни Русского Зарубежья разного времени, в-третьих, в применении методов междисциплинарного анализа, в том числе, связанного с компьютерными технологиями, в-четвертых, в разработке биографических сюжетов не только профессиональными историками, но и краеведами, журналистами и др. Следствием этого стало обилие публикаций, рассчитанных как на массового читателя [11], так и на специалистов [8; 9; 20; 34; и др.]. Показательно то, что наряду с героями серий «Великие исторические персоны» или «Императорская Россия в лицах» освещение получила жизнь множества людей периферии из различных социальных страт и сфер деятельности и известных, главным образом, в пределах своих регионов (населенных пунктов). Это: предприниматели, священнослужители, крестьяне, провинциальная интеллигенция [2, с. 144–154; 35; 25, с. 160–164; 7, с. 284–301; 16, с. 292–298; 36; и др.]. Исследовательский опыт трех десятилетий показал, что включение биографических материалов из российской периферии в общеисторический и региональный нарратив резко расширяет «человеческую» (индивидуальную) составляющую наших представлений о прошлом, серьезно актуализирует проблему «цены» прогресса, реформ и революций, способствует развитию генеалогии и исторической психологии и, доказав востребованность персональных сюжетов наукой, стимулирует дальнейшую их разработку историками.

Что касается выбора объекта нашего исследования, то здесь роль сыграло следующее. Во-первых, при изучении состава учителей подмосковных мужских гимназий императорского времени внимание на себя обратил преподаватель древних языков Коломенской гимназии, статский советник Иосиф Матвеевич Седлак (1853 – 1920), который в качестве инспектора был видной фигурой во многих событиях, происходивших в этом учебном заведении в начале XX в. Неоднократное упоминание о нем в архивных документах, мемуарах и историко-педагогической литературе вкпе с родственными отношениями одного из его сыновей (Алексея Иосифовича) с

известным революционером-народовольцем и ученым Николаем Александровичем Морозовым способствовали «погружению», как выяснилось, в сложную и трагическую историю семьи Седлак. Во-вторых, историко-биографические работы о педагогах, работавших вдореволюционных гимназиях Московской губернии, отсутствуют. И, в-третьих, представилась редкая возможность проследить социальное поведение и эволюцию мировоззрения двух поколений одной семьи провинциальных интеллигентов за столетие – в позднейимперский и до позднесоветского периодов.

Хронологические рамки исследования обусловлены, в нижней границе, временем приезда И. М. Седлака в Россию из Австро-Венгрии, а в верхней – уходом из жизни младшей его дочери – Лидии Иосифовны.

Для изучения обстоятельств жизни этой семьи были привлечены фонды ряда архивохранилищ: Российской академии наук (РАН), Российского государственного исторического архива в С.-Петербурге (РГИА), Центрального государственного архива г. Москвы (ЦГА г. Москвы), Музея-заповедника «Коломенский кремль», Архива Бурабайского района Акмолинской области (Республика Казахстан), а также семейный фонд И. Корнелюк, знавшей дочерей И. М. Седлака (благодарим И. Корнелюк за предоставление документов, материалов и фотографий). Использовались мемуары некоторых известных выпускников Владимирской мужской гимназии – Д. Н. Кардовского и К. Бальмонта, а также научные исследования по истории высшей и средней школы. И результаты историко-биографических поисков оказались весьма интересными и важными.

Удалось установить, каким образом Иосиф Седлак (чеш. – *Iosef Sedlák*) – выходец из Богемии (Западной Чехии) и подданный Австро-Венгерской империи – оказался в России: с июля 1873 по май 1875 года он проходил обучение в находившемся в Петербурге Учительском институте славянских стипендиатов. Напомним, что это учебное заведение было учреждено в 1867 г. для обеспечения масштабной реорганизации среднего образования России, начатой в 1864 г. министром народного просвещения А.В. Головниным и продолженной усилиями его преемника – Д. А. Толстого [5, с. 91–104; 6, с. 22]. Реформа предполагала преобразование действующих и открытие новых мужских гимназий двух типов – классических (гуманитарных, с преподаванием латинского и греческого языков в больших объемах – примерно 40% учебных часов) и реальных – с расширенным преподаванием предметов естественно-математического цикла (со временем, такие гимназии были превращены в реальные училища). Однако при реализации реформы быстро обнаружился её серьезный изъян – недостаточность учителей классических, древних, языков, которую не в состоянии были восполнить императорские университеты, готовившие ученых-филологов. В перспективе ситуацию могло изменить к лучшему открытие в 1867 г. Петербургского историко-филологического института – его студенты, обучавшиеся за счет казны, обязаны были по окончании проработать в школах не менее шесть лет. Но первый выпуск – 25 человек – ожидался только в 1871 г., а потребность в учителях, особенно в провинции, оставалась весьма значительной. Поэтому Министерство народного просвещения приняло решения, подобные петровским начала XVIII в. Во-первых, в качестве гимназических педагогов пригласить уже действовавших филологов-классиков, преимущественно, из славянских регионов Австро-Венгрии (для овладения русским языком им предстояло проучиться на специальных курсах). А во-вторых, начать подготовку преподавателей в стенах двухгодичного Учительского института, куда в качестве стипендиатов зачислять ежегодно примерно 20 австрийских славян (т.е. чехов, марован, лужичан, словаков, словенцев и др.), уже имевших гимназическое образование или обучавшихся классическим языкам не менее трех лет в Венском или Карловом (Пражском) университетах. Разумеется, как приглашенные, так и выпускники Института давали при поступлении обязательство определенное время прослужить в российских гимназиях по направлению Министерства просвещения. Но для полноты

картины, укажем на мотивы, которые влекли в Россию потенциальных учителей из зарубежных славян: это и материальные соображения (высокие оклады), и личные амбиции, и возможности карьерного роста, которые в Австро-Венгрии для них были затруднены вследствие национальных препонов и ограниченности мест службы. Современные историки Е. Ю. Басаргина и А. Н. Птицын [5, с. 91–104; 23, с. 173–182], изучив такой опыт экспресс-обеспечения кадров учителей, пришли к выводу о его несомненной полезности. Действительно, за короткое время (1867 – 1880 гг.) только из Учительского института выпустились 175 учителей древних языков, и это позволило, вкупе с приглашенными извне специалистами и выпускниками императорских университетов, историко-филологических институтов в Петербурге и Нежине, не только насытить гимназии преподавателями, но и придать новый импульс развитию в России филологии как науки и филологического образования в целом (какой бы аргументированной критике не подвергался «толстовский» школьный классицизм).

Что касается И. Седлака, то пока неизвестно, где он учился на своей исторической Родине (вероятнее всего – это Карлов университет), но в РГИА сохранилось его «обязательство» 1873 г. как претендента на статус славянского стипендиата в России [42, д. 182, л. 1]. Приведем этот важный документ полностью с сохранением орфографии источника:

«Я, нижеподписавшийся, желая поступить учителем Латинского и Греческого языка в одну из гимназий Русской Империи или Царства Польского, принимаю стипендию в 600 рублей ежегодно с обязательством с моей стороны: **1.** слушать лекции в С.-Петербургском Университете по предметам, кои мне будут указаны, в продолжении одного или двух лет, судя по моим успехам, **2.** слушать, сверх того, *privatissime*, лекции Латинского и Греческого языка у профессоров, которые мне будут указаны, **3.** подчиняться всем требованиям устава, **4.** выдержать, до определения меня в должность, устное испытание, установленное на звание учителя, и **5.** за каждый год стипендии прослужить в России или в Царстве Польском, куда назначит меня Начальство, два года.

Joseph Sedlak».

Препятствий для зачисления соискатель не встретил, поскольку к тому времени министерство дозволило принимать в Учительский институт неправославных славян-христиан (кроме поляков), и он приступил к учебе летом 1873 г. Жильё новоиспеченный студент снимал в Петербурге по адресу: Васильевский остров, 17-я линия, д. № 18, кв. 1. В течение двух лет Седлак, как и другие стипендиаты, изучал римскую и греческую словесность, русский язык и русскую словесность, русскую историю и географию. Занятия вели известные профессора и преподаватели Петербургского университета и Историко-филологического института – А. Д. Вейсман, И. В. Помяловский, В. И. Срезневский и др. По завершении курса наук Осип Седлак (теперь он так именовался по документам) показал «удовлетворительные познания» на испытаниях на звание учителя в гимназиях по древним языкам и был принят во Владимирскую гимназию в качестве «воспитателя пансиона и преподавателя греческого языка» [42, д. 182, л. 2].

Летом 1876 г., уже будучи во Владимире, Седлак подал прошение «о принятии русского подданства», и, получив таковое, 26 марта 1877 г. был «присоединен к православной церкви» законоучителем Владимирской гимназии священником Михаилом Ивановичем Херасковым; обряд состоялся в Пансионской церкви города [42, д. 182, л. 3; 13]. Спустя недолгое время изменилось и его семейное положение: 25 октября 1878 г. жена, Софья Павловна, подарила мужу первенца – Алексея; позднее родились еще Мария, Евгений и Лидия. Таким образом, примерно за десять лет уроженец Богемии Joseph Sedlak, став Осипом (Иосифом) Матвеевичем Седлаком,

укоренился в России – получил образование и престижную, хорошо оплачиваемую работу по специальности, перешел в православие, создал семью.

Успешно складывались дела и на педагогическом поприще. В гимназии Седлак приобрел репутацию требовательного преподавателя и воспитателя, приверженца порядка и соблюдения учениками уставных правил во всём – в поведении в школе, пансионе и за их стенами, в опрятном ношении форменной одежды, во внеучебных занятиях и интересах. (Впрочем, такую педантичность современники отмечали у большинства учителей-классиков независимо от их национальности – влияние, видимо, оказывал сам учебный предмет). Так, в воскресенье, 3 октября 1876 г., Седлак обратил внимание на оброненный учеником VII класса, пансионером Василием Аршеневским, печатный листок, который по прочтении оказался номером запрещенного журнала «Вперед» (издавался, наряду с одноименной газетой, в Лондоне известным революционером П. Л. Лавровым). Находка стала поводом к проведению внутреннего дознания: последовали обыск в пансионе, допросы виновного и изучение его переписки, обсуждение происшествия на экстренном заседании педагогического совета; уведомлены были попечитель Московского учебного округа и местные жандармы. И хотя для Аршеневского дело завершилось относительно благополучно (ему понизили отметку за поведения до «3» и отдали под «строжайший надзор» воспитателям пансиона), бдительность Седлака была оценена по достоинству [14, с. 350–352].

Еще пример. По воспоминаниям Заслуженного деятеля искусств РСФСР, художника Дмитрия Николаевича Кардовского, окончившего в 1886 г. Владимирскую гимназию, Седлак «славился как строгий и умеющий поддержать дисциплину» учитель. И в череде многих событий школьной жизни мемуарист упоминает участие Седлака в «обуздании» 17-ти летнего Константина Бальмонта (одноклассника), который за посещение собраний революционного кружка был переведен в 1884 г. из Шуйской гимназии во Владимирскую. По решению директора гимназии И. Е. Сыроечковского, «неблагонадежного» отдали под надзор Седлаку, в чьей квартире он и был поселен. Внушение Бальмонту правил «благонадежного поведения» началось с момента его первого прихода в гимназию: воспитатель обнаружил у «вольнодумца» нарушение ученической формы – отсутствие пояса с инициалами «В.Г.» («Владимирская гимназия») на бляхе. Наказание последовало незамедлительно: виновный, как дворянин, был отправлен для «наставления» к местному губернскому дворянскому предводителю [15, с. 30]. О степени тщательности надзора можно судить и по следующему эпизоду: учившийся в восьмом, выпускном, классе Бальмонт опубликовал в декабре 1885 г. в петербургском журнале «Живописное обозрение» № 48 три коротких стихотворения («Горечь муки», «Пробуждение», «Прощальный взгляд / Из Ленау /»). Это было сочтено недопустимым и, как позднее вспоминал поэт, до окончания гимназии «классный наставник запретил мне печататься». Сейчас, по прошествии 135 лет, сложно определить причины установленного Седлаком запрета. То ли встревожила мрачность строк «Горечь муки»: «Часто горечь муки закипает / В глубине души моей унылой / Часто ум в тоске изнемогает / В битве с жизнью тягостной постылой»? То ли обеспокоила проявленная гимназистом независимость действий? Но ни о каком прекращении сочинительства, а тем более, об изъятии написанного речь не велась, что позволило талантливому юноше передать свои тетради со стихами Владимиру Галактионовичу Короленко во время его приезда во Владимир и получить, позднее, лестный отзыв и советы («умное слово старшего») выдающегося литератора. В этой связи, нуждаются в корректировке часто цитируемые позднейшие отрицательные оценки Бальмонта о школе: «прожив, как в тюрьме, полтора года» или «гимназию проклиная всеми силами. Она надолго изуродовала мою нервную систему» [3, с. 11; 4, с. 447–453]. По сути, негатив относится (и совершенно справедливо) к толстовско-дедяновской школе в целом, но не может быть огульно распространен на всех её

преподавателей. Тот же Седлак обозначен Бальмонтом подчеркнуто нейтрально («классный наставник»), хотя при иных отношениях заслужил бы уничижительную характеристику. И таком случае, представляется более близким к истине мнение Кардовского: «Седлак, долженствовавший внушать ему (Бальмонту – *Н.В.*) строгие правила благонадёжности, оказался культурным и порядочным человеком, и Косте жилось у него неплохо до самого окончания гимназии» [15, с. 30]. Во всяком случае, подопечный Седлака за время учебы во Владимире «ни в чем предосудительном» замечен не был, получив аттестат в 1886 г., поступил на юридический факультет Московского университета.

А вот эпизод, свидетельствующий, что Седлак обладал высоким чувством собственного достоинства. Дело в том, что один из его коллег – А. В. Батыр, будучи, по общему мнению, человеком «беспокойным» и с «неуживчивым характером», позволил себе негативные высказывания в адрес Седлака и другого классика – Андрея Викентьевича Адольфа. В протоколе заседания педагогического совета гимназии не указан смысл этих «выражений». Но если учесть упоминание в документе произнесенных обидчиком других «выражений», намекающих на засилие гимназических начальников «из иностранцев», то вероятнее всего, Батыр попрекал Седлака и Адольфа их «чуждым» России происхождением. Оба учителя «посчитали для себя оскорбительными» слова Батыра и 30 сентября 1880 г. обратились к педагогическому совету гимназии с просьбой внести оскорбления в протокол заседания (согласно практике того времени, все протоколы предоставлялись для осведомления и принятия решений попечителю учебного округа). И хотя обидчик оправдывался отсутствием в сказанном «личностей», позиция педагогов Владимирской гимназии свидетельствует об их высокой порядочности и корпоративной солидарности. В протокол была внесена следующая запись: «Совет, считая эти заявления г. Б. (Батыра – *Н. В.*) оскорбительными вообще для своего состава, определил: просить кого следует об изыскании средств к тому, чтобы подобные явления впредь не повторялись при советских заседаниях». Таким образом, не обладая возможностями административного наказания, педагогический совет предпочел не покрывать скандалиста, а передал «дело» на усмотрение окружного начальства. И эта неприглядная «история» получила продолжение. В мае 1881 г., по окончании учебных занятий, Батыр был переведен сначала в гимназию маленького городка Мариамполе в Польше/Литве, а затем – в Саратовскую гимназию на сверхштатную должность учителя; он «совершенно испортил свою служебную карьеру» – совсем уволен от службы вследствие «неприятных отношений к директору и товарищам» [14, с. 358, 386; 41, д. 194, л. 74–77].

В июне 1887 г. Седлак завершил преподавание во Владимире и переехал в Коломну в связи с переводом в Коломенскую мужскую гимназию, где проработал более 30 лет. К 1898 году, к 25-летию педагогической деятельности, он имел чин статского советника и был награжден орденами Св. Станислава 2-й степени, Св. Анны и Знаком ордена Св. Владимира 4-й степени. Обладание столь высоким чином (V класс «Табели о рангах») вкупе со Знаком ордена Св. Владимира 4-й степени обусловили получение им потомственного дворянства. В материальном отношении он относился к кругу людей обеспеченных. Приведем структуру и размер его годового дохода в 1902 г.: жалование за 12 уроков – 1250, за 9 дополнительных уроков – 540, за исполнение обязанностей инспектора – 750, квартирные – 300, пенсия – 850, всего – 3690 руб. Он владел недвижимостью – большим каменным двухэтажным домом с флигелем на Репинской улице (ныне – ул. Комсомольская, д. 7, 7а) общей стоимостью 15.000 руб. [21, с. 70].

К сожалению, имеющаяся в нашем распоряжении архивные документы, литература и мемуары не позволяют точно установить общественно-политические взгляды Седлака. Но некоторые общие контуры вырисовываются по косвенным данным. Так, находясь в середине 1870-х гг. в Петербурге в качестве славянского

стипендиата, маловероятно, чтобы он не знал о противоправительственном настроении столичных студентов, распространении нелегальной литературы (листочков, брошюр, журналов), существовании революционных кружков и «хождении в народ» летом 1874 г. Однако ни в чем противозаконном он полицией замечен не был. На наш взгляд, возможной радикализации его взглядов воспрепятствовали и статус иностранного подданного (высылка из страны «подозрительного лица» была бы неминуема), и высокая мотивация получения по окончании Учительского института престижной работы, и перспектива натурализации в России. Во всяком случае, в приведенном выше эпизоде с учеником Аршеневским Седлак не только опознал (!) в оброненном листке запрещенное издание, но и немедленно доложил о находке гимназическому начальству, хотя при сочувствии радикальным идеям мог бы, скрыв сам факт, пожурить гимназиста и посоветовать ему быть впредь осмотрительным.

Далее. В период волнений коломенских гимназистов октября 1905 г. его позиция по этому поводу была вполне определенной: ученические протесты – незаконны, их требования и равно мнение родительских собраний – можно лишь принять к сведению, перемены же в школах происходят исключительно по инициативе и с позволения начальствующих лиц. Но в условиях ученических забастовок все же следует пойти на некоторое смягчение гимназического режима: «явочным порядком» допустить проведение учащимися собраний, отменить внешкольный надзор, разрешить кружки самообразования и посещение библиотек и пр. [44, д. 4500, л. 8, 11, 18, 33–34об]. Другой факт. Когда Евгений, младший сын Иосифа Матвеевича, будучи студентом Московского университета, увлекся революционными идеями, это встретило категорическое непонимание родителей и спровоцировало разрыв отношений юноши с семьей. И потому мы, вероятнее всего, будем недалеко от истины, охарактеризовав И. М. Седлака как приверженца консервативных взглядов, сторонника монархической формы правления, противника социальных движений, хотя и допускающего здесь вынужденные компромиссы. Так что спустя столетие постараемся оценить глубину переживаний этого человека, ставшего свидетелем грандиозных общественных потрясений – отречения императора от престола в марте 1917 г., низложение Временного Правительства в ходе Октябрьской революции и крах классического гимназического образования (ему он в России посвятил свою жизнь), а в итоге – потерявшего чин, статус дворянина, сбережения и высокую пенсию!

Теперь обратимся к жизненным перипетиям других членов этой семьи. И начнем с тех, чья взрослая жизнь протекала вдали от Коломны – Евгения Иосифовича, Марии Иосифовны и Лидии Иосифовны Седлак. Евгений родился в 1884 г. во Владимире. Окончив в 1902 г. Коломенскую гимназию, он поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Но первые два года учебы совпали, как он написал позднее в автобиографии, «с полосой сильнейших студенческих движений (1904 – 1905 – 1906 гг.), ...которые сильно способствовали революционизированию моих политических убеждений» [40, л. 52]. Речь идет об решающей роли московских универсантов в организации протестных акций столичных студентов, в открытии университета для устройства собраний с допущением «сторонних лиц», в уличных демонстрациях и баррикадных боях декабря 1905 г. Незавершенность поиска документов в архиве Департамента полиции не позволяет с уверенностью судить как о степени общественной активности Е. Седлака, так и о причинах исключения из университета в 1904 г. и обстоятельствах жизни в 1905 – 1906 гг. В любом случае, его действия были прямым нарушением университетского Устава и обусловили конфликт с учебным начальством и властями. Разумеется, что такой образ мыслей и поведение сына вызывали тревогу со стороны родителей. Отрицание мировоззренческого выбора Евгения (особенно Софьей Павловной – недаром в хранящейся в архиве автобиографии подчеркнут «разлад» именно с ней), взаимная неуступчивость и

обиды привели к фактическому прекращению связей между родными людьми на долгие семь лет – до 1911 года [40, л. 52].

Между тем, осенью 1906 г. Е. Седлак восстановился в университете, а спустя два года, успешно завершив обучение, получил диплом 1-й степени по агрономической химии. Можно с уверенностью говорить, что столь решительный поворот юноши от «политики» к академическим занятиям был не случаен и отражал происходившую тогда серьезную смену общественных настроений, особенно выраженную среди интеллигенции. Здесь повлияли и спад революционного движения после поражения восстаний в декабре 1905 г., и разочарование в революции как насильственном способе социального переустройства, и репрессии правительства, которое ввело смертную казнь по приговорам военно-полевых судов. А применительно к нашему герою, сказались, наверняка, и увещевания родителей.

Обладание университетским дипломом позволило Евгению продолжить учебу «для пополнения знаний» на 3-м курсе Московского сельскохозяйственного института (ныне – Тимирязевской академии). В этом учебном заведении бывшим универсантам предоставлялись значительные льготы – им выплачивалась стипендия (!), а время обучения включалось в стаж государственной службы; всем выпускникам гарантировалась работа в учебных заведениях и государственных учреждениях сельскохозяйственного профиля – агрономических, лесоводческих, селекционных, коневодческих, химических, инженерных и т.п.

После окончания института (1910 г.) Евгений прослужил год в Пензе вольноопределяющимся 16-го мортирного артиллерийского дивизиона, а после сдачи экзамена на чин прапорщика осенью 1911 г. и увольнения с 1 октября в запас – подал прошение в Министерство государственных имуществ о назначении на вакантное преподавательское место. Но в полученном вскоре уведомлении сообщалось о назначении с 1 января 1912 г. на две должности: преподавателя лесоводства и естественных наук в Боровской лесной школе и помощника лесничего в Боровском лесничестве Кокчетавского уезда Акмолинской области (ныне – Акмолинская область Казахстана). И, видимо, в ожидании министерского назначения он некоторое время находился (или побывал) в Коломне и восстановил отношения с семьей – такой вывод напрашивается при сравнении записи в автобиографии с хроникой его жизни 1911 г. [40, л. 53].

Но в Боровом работать Е. Седлаку пришлось недолго – в августе 1914 г. он был призван на службу связи с началом войны с Германией, и уже с 1 сентября находился в составе 10-й армии на территории Восточной Пруссии. О его личной храбрости свидетельствуют полученные три боевые награды. Во время февральского (1915 г.) наступления германских войск на город Прасныш (Привисленский край Польши) взводный офицер Седлак «был сильно контужен в голову и шею» и, будучи на перевязочном пункте, попал плен. Как военнопленный он был помещен в офицерский лагерь крепости города Найссе (нем. Neisse) в Силезии, где находился до конца 1918 г., когда после Ноябрьской революции в Германии и Компьенского перемирия начались освобождение и репатриация военнопленных воевавших держав. К тому времени в России уже разразилась кровопролитная Гражданская война, и, как следствие, эшелоны с русскими военнопленными месяцами передвигались по охваченным боями территориям, пересекая то границы образованных на обломках империи новых государств, то линии фронтов между «красными» и «белыми». Поэтому неудивительно, что на станцию Петропавловск (ближайшую к Боровому) Е. Седлак прибыл начале февраля следующего года. [40, л. 53–54]. И обратим внимание, что возвратиться он предпочел не в Коломну, а на место прежней работы! Сыграли здесь роль обстоятельства его личной жизни, перспектива заняться наукой и преподаванием или повлиял непреодоленный разлад с родителями? Пока это остается неизвестным.

Ситуация, в которой оказался Е. Седлак, была типичной для того бурного времени. Миллионы пострадавших в плену офицеров и солдат с трудом разбирались в смысле новой российской «Смуты», и в большинстве стремились, в первую очередь, устроиться в мирной жизни. Однако жестокие реалии гражданского противостояния зачастую принуждали их, вопреки желанию, вновь братья за оружие. Вот и Е. Седлак, приказом Омского военного присутствия (в 1918 – 1920 гг. Амолинская область называлась Омской) получивший отпуск до 15 июня 1919 г. и признанный комиссией негодным к строевой службе по контузии, был в августе назначен заведующим хозяйством Омского ветеринарного лазарета армии адмирала А. В. Колчака. Правда, служить ему пришлось менее 3-х месяцев: не желая отступать с лазаретом к Иркутску, он предпочел 14 ноября вернуться в Омск до занятия города Красной Армией. В ноябре прошел проверку «Особой комиссией по распределению военнопленных и перебежчиков» при Реввоенсовете 5-й армии, которая убедившись в его непричастности к карательным операциям колчаковцев, отправила Евгения в распоряжение Омского губернского революционного комитета, а тот назначил бывшего прапорщика, «согласно желанию», помощником лесничего Боровского лесничества и преподавателем Лесных курсов (школа была закрыта) [40, л. 55–56]. С этого момента здесь и протекала преподавательская и научная жизнь Евгения Иосифовича до кончины в 1946 г. Заметим попутно, что, работая в Боровом, никаких претензий по поводу дворянского происхождения, службы в императорской и колчаковской армиях он не получал (при «чистке» госаппарата в 1924 г. «оставлен в должности») и репрессиям не подвергался.

Вернувшись к любимому делу, Е. И. Седлак проявил себя как прекрасный преподаватель, энергичный управленец, талантливый ученый и мудрый наставник. На всех этих поприщах полезность его трудов были неоспоримы. Во-первых, в начале 1920-х г. он сберёг имущество закрытой Лесной школы от разграбления, а затем приложил огромные усилия для её восстановления с перспективой реорганизации в техникум, т.е. среднее специальное учебное заведение, выпускники которого могли поступать в профильные вузы. С такими предложениями он неоднократно обращался к местным властям, выступал на уездных, губернских и краевых «лесных» съездах. В итоге, в октябре 1923 г. школа была открыта, а с 1 октября следующего года – преобразована в Лесной техникум. Назначенный его директором он, в короткий срок подобрал квалифицированных специалистов, смог организовать полноценный учебный процесс, приступить к строительству учебных и производственных зданий, расширить опытно-учебную базу. Значительная занятость делами техникума обусловила постепенный отказ от других должностей (районного инспектора лесов, учебного лесничего) и статусно-карьерных предложений (заведующего Асмолинским губернским Лесным отделом). И как ни покажется странным, эти сугубо ситуационные решения оказались верными в связи с политическими переменами в СССР на исходе 1920-х гг., когда в кадровой политике возобладала линия назначения на руководящие должности только членов ВКП(б). В соответствии с общей «установкой», 1 февраля 1928 г. беспартийный Е. И. Седлак был освобожден от обязанностей директора ввиду, как он указал в автобиографии, «назначения на моё место партийного лица» [40, л. 56–57]. И, наверняка, такое отдаление от «власть предержащих» спасло ему жизнь в эпоху «большого террора» 1930-х годов...

Другой получившей общественное признание сферой деятельности Е. И. Седлака было преподавание специальных дисциплин, а именно: лесоводство, лесные культуры, лесные питомники, дендрология, метеорология. Одновременно он заведовал учебным питомником и садами – дендрологическим и плодовым. Увлеченность и преданность делу принесли свои результаты – техникум обрел такую учебную базу, которая, по отзывам видных специалистов и ученых, послужила примером для многих профильных учебных заведений страны. Два года питомник был участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве. А сотни

благодарных воспитанников техникума не только переносили полученные знания и опыт в различные уголки Казахстана, но и поддерживали с Учителем «письменную связь», обращаясь за советом и получая необходимые консультации [40, л. 46об–47].

И, наконец, в научных кругах Е. И. Седлак пользовался большим авторитетом как естествоиспытатель и ученый-практик. В очерке по истории Щучинского Высшего колледжа экологии, лесного хозяйства и туризма (преемника Лесного техникума) сказано, что Е. И. Седлак впервые в Северном Казахстане репродуцировал 296 видов и сортов деревьев и кустарников для обогащения видового состава местных лесов, озеленения и защитного лесоразведения. Современные исследователи подчеркивают, что Е. И. Седлаком, который был энтузиастом лесокультурного дела в Казахстане, впервые «работы с интродуцированными видами растений проводились на научной основе». И результаты интродукции деревьев и кустарников в дендросаде были впечатляющими: из 52 испытанных им интродуцентов пригодными для введения лесные культуры оказались 27 видов [18, с. 9]. В составе группы ученых Академии наук СССР он в довоенное время участвовал в исследовании природы Государственного заповедника «Боровое», став автором научных статей [26; 27]. Особенно эта работа активизировалась с приездом в Боровое многочисленного корпуса биологов – академиков и профессоров, эвакуированных в Казахстан в 1941 г. И как признанный специалист Седлак выступал в качестве рецензента одной из разрабатываемых учеными научных тем с внесением в них изменений и дополнений [1, с. 43, 44, 213].

Об официальном признании заслуг Евгения Иосифовича Седлака свидетельствует объявленная ему в 1939 г. приказом Народного комиссариата земледелия Казахской ССР благодарность с развернутым обоснованием: «за долголетнюю работу, за создание лесопитомника и дендросада, служащих для подготовки кадров лесоводов и агрономов, снабжения колхозов и совхозов посадочным материалом для озеленения, заложения плодово-ягодных и декоративных садов». Там же содержалась рекомендация дирекции и общественности Боровского лесного техникума «ходатайствовать перед Верховным Советом Каз. ССР о присвоении ему звания Героя Труда» [40, л. 49]. И хотя это предложение не имело последствий (документы о получении высшей награды за труд в «личном деле» отсутствуют), уважение к педагогу и ученому, служившему примером «для всего педагогического коллектива и воспитанников техникума», было и остается высочайшим! И поэтому не случайно, что местом последнего упокоения Е. И. Седлака стал любимый им дендропарк на территории Щучинского колледжа. А издание рукописных работ Евгения Иосифовича и упоминание его имени в научной литературе и юбилейных статьях (последние из учтенных относятся к 2019 г.) являются весомым подтверждением значимости выбранного им пути [28; 1, с. 43, 44, 213; 17; 18, с. 9, 10, 12].

Переходя к обстоятельствам жизни сестер Седлак, укажем, предварительно, на наличие здесь многих «белых пятен», что объясняется недостаточной обеспеченностью источниками. Тем не менее, имеющиеся материалы позволяют реконструировать основные вехи их биографий. Родившиеся во Владимире Мария (1880 г.?) и Лидия (1885 г.) окончили Коломенскую женскую гимназию на рубеже XIX и XX вв. Старшая, Мария, как и многие девушки из интеллигентных семей, не избежала увлечения «животрепещущими вопросами»: достижения политических свобод, социальной справедливости, народного блага и женского равноправия. Серьезное влияние на её мировоззрение оказал муж – активный участник революционного движения Дмитрий Георгиевич (Егорович) Прокудин-Горский, к которому она переехала из Коломны, вероятнее всего, в Москву. В 1905 г. он руководил боевой дружиной Северной железной дороги, а Мария – являлась депутатом от Курской железной дороги в одном из первых профессиональных объединений страны – Всероссийском железнодорожном союзе, возникшем явочным

порядком в апреле 1905 г. За участие в организации транспортных забастовок она была в 1906 г. арестована и находилась в одной из полицейских частей Москвы; готовилась её ссылка в Туруханский край вместе с группой из шести депутатов-железнодорожников. В их защиту московские студенты 31 мая провели общегородской митинг, а депутаты Первой Государственной Думы обратились с запросом к властям о законности такой ссылки «без суда и следствия» [12, с. 948–949; 36]. Видимо, протестные акции изменили позицию Министерства внутренних дел, и ссылка в Восточную Сибирь не состоялась (это подтверждается отсутствием Марии Иосифовны в списках членов «Общества бывших каторжан и ссыльнопоселенцев» за 1934 г.). Для того, чтобы оценить степень погружения четы Прокудиных-Горских в «революционное дело» упомянем, что к описываемым событиям у них, по всей видимости, уже был сын – Лев Дмитриевич. Но это не стало весомым поводом оставить ряды «борцов за народную свободу», ибо таковы были приоритеты времени и революционной среды, к которой они принадлежали. И спустя столетие можно только посочувствовать старшему поколению семьи Седлак, в которой сразу двое детей (Мария и Евгений) оказались «бунтарями», противопоставившими себя и власти, и традиционному образу жизни.

Иначе сложилась судьба Лидии. В середине 1900-х годов она получила медицинское, фельдшерское, образование в Москве, но затем (по непонятным причинам) переехала в Новороссийск. 16 октября 1914 г. оказалась свидетелем обстрела бухты и города турецкими военными кораблями, о чем немедленно сообщила родителям в открытом письме, упомянув одновременно о полученной от брата Евгения армейской фотографии [45]. В 1920-х – 1930-х гг. она работала в одном из санаториев в Геленджике (курортном городке под Новороссийском), в Краснодарском Институте опытного табаководства. Тогда же в Новороссийске обосновалась и Мария, которая работала бухгалтером кассы социального страхования [40, л. 52]. Её муж – корреспондент газеты железнодорожников «Гудок», остался в Москве, где скончался в 1931 г.; сын, ставший музыкантом-скрипачом, жил в Кинешме. В начале Великой Отечественной войны сестры эвакуировались в Боровое, к Евгению Иосифовичу, и возвратились в Новороссийск, вероятно, в начале 1950-х гг. По свидетельству близко знавшей их И. Корнелюк, к старости сестры оказались одинокими – Лев Дмитриевич умер в Кинешме в 1942 г., не было в живых и братьев. Узнав о неизлечимой болезни, Мария Иосифовна, чтобы не обременять сестру, предпочла в 1961 г. сама уйти из жизни. Лидия Иосифовна пережила её на 13 лет и скончалась в доме престарелых [45].

Намного больше других был связан с Коломной Алексей Иосифович. Окончив в 1897 г. Коломенскую гимназию, он, девятнадцатилетним, поступил на юридический факультет Московского университета. После завершения учебы в 1901 г. был направлен в Московский окружной суд, где его «командировали», т.е. прикрепили для «занятий» к судебным следователям по уголовным и гражданским. После полутора лет такой стажировки ему присвоили 27 марта 1903 г. звание «старшего кандидата», а 30 апреля произвели в «коллежские секретари» (X класс «Табели о рангах»). Последующие три года он исполнял обязанности сначала помощника судебного следователя «с правом самостоятельного производства следственных действий» по Коломенскому уезду, а затем – судебного следователя в Коломенском и Егорьевском уездах. Но осенью 1906 г. в его службе произошла серьезная перемена: приказом по Министерству юстиции он был 29 сентября «откомандирован» к исправлению должности судебного следователя 2-го участка Мологского уезда Ярославского окружного суда. На новой должности его годовой доход составил 2300 руб., включив жалованье – 1000, столовые – 500, квартирные – 300, канцелярские – 500 руб. [43, д. 11928, л. 2, 28–28об, 35–35об].

Уехав из Коломны, Алексей Иосифович за десять лет службы в Ярославской губернии прошел карьерный путь от судебного следователя до Уездного члена

Ярославского окружного суда по Пошехонскому уезду и в 1913 г. получил чин надворного советника (VII класс «Табели о рангах») [43, д. 11928, л. 6, 10, 15, 17]. Работая в Мологе, он женился на Надежде Александровне Морозовой – сестре революционера Н. А. Морозова, чья родовая усадьба «Борок» находилась в Мологском уезде. На первый взгляд, перечень успешных служебных перемещений свидетельствует об абсолютной политической лояльности молодого юриста. Однако определенные сомнения возникают при изучении его переписки 1912 г. с Н. А. Морозовым, который был осужден 24 ноября 1911 г. Московской судебной палатой к годичному заключению за публикацию книги стихов «Звёздные песни», содержащих «дерзостное неуважение к верховной власти». В письме от 6 марта А. И. Седлак предлагает свою помощь, чтобы добиться отбывания наказания в Мологской тюрьме, начальник которой обещал для знаменитого узника режим «самой широкой свободы» с возможностью быть независимым в занятиях, распределении времени и прогулок на тюремном дворе, а также пользоваться отдельным дешевым «столом» или питанием «с воли». Правда, это намерение не было реализовано, и Морозова этапировали в Двинскую крепость, где он находился до освобождения в феврале 1913 г. по амнистии по случаю 300-летия Дома Романовых, но сам факт предложения весьма примечателен и говорит, что автор письма был не чужд и некоторой фронде [38, д. 1666, л. 4–5; 10, с. 726, 727].

Благополучно складывающаяся жизнь семьи была нарушена революционными событиями Февраля и Октября 1917 г. Состояние неопределенности и циркулирующие в обществе после Февраля слухи о грядущих увольнениях судебных в связи реформой имперских судов вынудили А. И. Седлака сделать необычный шаг. 2 июня он подал Министру юстиции Временного правительства П. Н. Переверзеву прошение о назначении на любое место, «соответствующее служебному положению на территории Европейской России в судебной коллегии или в прокуратуре». Но за стандартной формулировкой прошения скрывались иные, глубинные, мотивы поиска работы, о которых он, прося Морозова о помощи, откровенно рассказал в письме от 27 июня 1917 г. Приведем много проясняющий фрагмент этого письма: «Я никогда не преследовал никаких карьерных целей, и в первый раз в жизни мне приходится обращаться с такими проблемами. Но сейчас для меня наступил критический момент... Для трудовой интеллигенции наступают теперь тяжелые дни, и по окончании войны безработица достигнет таких размеров, что устроиться где-нибудь будет крайне трудно, а надвигающийся финансовый крах грозит лишить нас всего, что мы имеем». И еще: «У нас было только дня три светлой неомраченной радости – первые дни революции, а потом настроение с каждым днем стало падать, и теперь, когда все рушится кругом нас и проваливается в какую-то бездну, уже приходится спрашивать себя не о том, как будешь жить завтра, а о том будешь ли жив» [38, д. 1666, л. 14–16]. И бывший народоволец, чьи заслуги в борьбе со «старым режимом» теперь оценивались высоко, составил зятю протекцию, охарактеризовав его в письме министру следующим образом: «Упорный работник, несколько сдержанный, умеющий заставлять себя уважать и ценить, как человека, на обещание его всегда можно положиться. Он достаточно молод – всего 35 лет, отказывался неоднократно от прокуратуры, находя ее для себя не подходящей при старом режиме. В связи с ожидаемым упразднением Окружного суда, Седлак ищет работу, желательно, в Министерстве Юстиции» [43, д. 11928, л. 21–22].

Результат ходатайств оказался положительный: с 21 июля 1917 г. Седлак был назначен Членом окружного Ярославского суда, что являлось повышением в сравнении с прежней должностью (показательно уведомление Министерством юстиции об этом приказе Н. А. Морозова) [43, д. 11928, л. 26; 38, д. 1666, л. 21, 23]. Но пребывание в новом статусе оказалось недолгим, так как декретом Совета народных комиссаров от 22 ноября старая судебная система упразднялась и создавались народные выборные суды с участием народных заседателей. Правда, в марте 1918 г.

Алексею Иосифовичу удалось на три месяца устроиться в Управление начальника снабжения Красной Армии Северного фронта. Но с лета он вновь оказался безработным. В поисках места Седлак подал заявления «в Мологский и Коломенский совдепы» о назначении «на какую-нибудь должность», признаваясь в письме Морозову от 25 декабря, что «всего охотнее принял бы место по народному образованию, конечно, в провинции». И как вполне допустимый рассматривался отъезд в Коломну (хотя там «полный голод»), поскольку «больше деваться некуда» и «может быть ... найду какое-нибудь занятие»; вывод в письме звучит обреченно: «Я решил взять какое ни на есть место, лишь бы оно хоть сколько-нибудь обеспечивало нас» [38, д. 1666, л. 250б–26].

Работа по специальности нашлась только в январе 1919 г., когда Седлак был избран (!) постоянным народным судьей 9-го района Мологодского уезда Ярославской губернии [38, д. 1667, л. 510б]. Сам факт избрания свидетельствует и о его незапятнанной репутации, и о высокой профессиональной квалификации. Добавим, что переход на такого рода службу давал некоторые привилегии (материальные, моральные) и открывал, при условии лояльности, определенные карьерные перспективы, поскольку власть нуждалась в «буржуазных специалистах». К тому же могли положительно повлиять (а, возможно, и повлияли при устройстве) родственные отношения с Н. А. Морозовым, чей авторитет в родных краях был непререкаем.

Однако начавшаяся в Мологе адаптация Седлака к советским реалиям была прервана переездом в Коломну. На наш взгляд, здесь сказались ряд обстоятельств. Во-первых, неустойчивость положения народного судьи, который, на основании декрета ВЦИК от 30 ноября 1918 г., избирался собранием городского Совета рабочих и крестьянских депутатов и мог быть им же отозван. Но основная опасность для Седлака заключалась в ст. 12 об условиях избрания народным судьей, согласно которым он должен: «1) иметь право избирать и быть избираемыми в Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов; 2) иметь политический опыт работы в пролетарских организациях партии, профессиональных союзах, рабочих кооперативах, фабрично-заводских комитетах и Советских учреждениях; 3) иметь теоретическую и практическую подготовку для должности Советского Судьи» [29, с. 1196–1197]. И если теоретическая и практическая подготовка выпускника юридического факультета и бывшего судебного следователя были неоспоримы, то по поводу его права избираться в Совет или обладания политическим опытом рано или поздно могли возникнуть сомнения ревнителей нового строя, что грозило отзывом с должности или переизбранием с перспективой остаться без средств существования. В Коломне же, где располагались промышленные предприятия и численность населения в 3 раза больше, чем в Мологе, найти работу юриста представлялось реальнее. Во-вторых, продовольственное снабжение Мологи было плохим, а цены на рынках очень высокими. И, наконец, в Коломне оставались престарелые больные родители (для обеспечения семьи 66-летний Иосиф Матвеевич продолжал преподавать – теперь в 1-й Советской школе II-й ступени, открытой в бывшей мужской гимназии; 19 февраля 1920 г. он скончается от «старческого упадка сил» [39, д. 175, л. 2190б–220]), жившие под угрозой «уплотнения» до одной комнаты, т.е. вселения сторонних лиц решением муниципальных властей и превращения их большого дома в коммунальное жилье на основании декрета ВЦИК от 20 августа 1918 г. «Об отмене частной собственности в городах». Таким образом, решение о переезде в Коломну напрашивалось само собой, и состоялось в июле 1919 г.

Переехав в Коломну, А. И. Седлак десять лет трудился в Коломенском уездном Бюро юстиции («правозащитником», консультантом) и юрисконсультантом в Коломенском уездном исполнительном комитете Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов [38, д. 1667, л. 510б–52]. Работа в исполкоме решила на время проблемы «уплотнения», «излишков» жилья и возможного «подселения», ибо

служащие госучреждений, как и носители других особо нужных государству профессий, обладали здесь иммунитетом (поэтому уход из жизни Софьи Павловны в 1922 (?) г. жилищные условия семьи не изменил).

В течение 1920-х гг. жизнь Седлаков в Коломне постепенно наладилась. Супругам удалось в июне 1930 г. съездить в Геленджик – повидаться с родными и отдохнуть [38, д. 1666, л. 33]. Однако в августе, в ходе «чистки» аппарата местных Советов от тех, кто «вредит интересам рабочего класса», А. И. Седлака сняли с должности (признан «отнесению к 3-й группе», т.е. с запретом занимать должность такого рода, по специальности). Жаловаться же в Москву он посчитал бесполезным («выйдет еще хуже»). В письме Морозову от 9 сентября он предельно четко охарактеризовал свое положение: «... Найти работу в Коломне едва ли будет возможно. В Москве найти легче, но негде жить. Порознь жить на два дома мы не можем. Кроме того, придется бросить все свое имущество. Здесь на домашние вещи никаких нет покупателей, т.к. весь год продавалось за бесценок разное конфискованное или отобранное у граждан имущество. С другой стороны, мы давно осознаем, что надо бы уехать из Коломны, где с каждым днем во всех отношениях жизнь становится невыносимее, моральная атмосфера совсем невозможна». И о полном разочаровании говорит следующая фраза: «Специальность эта (юриста – Н. В.) все равно отмирает, для её существования в современном обществе (в СССР) нет никаких предпосылок» [38, д. 1666, л. 29об, 33об]. В итоге, оставшись в Коломне, он был вынужден работать счетоводом, помощником бухгалтера, юрисконсультантом в хозяйственных учреждениях и на машиностроительном заводе, сменив за десять лет 7 мест [38, д. 1667, л. 52–52об]. Отстранение от службы в исполкоме обернулось и постоянным безденежьем, которое не могла преодолеть даже финансовая помощь Н. А. Морозова. К тому времени родовой дом Седлаков перешел в ведение коммунального отдела, и за супругами сохранились только две комнаты общей площадью 28 кв. м. Тяжелые переживания по поводу случившейся несправедливости и бытовые неурядицы серьезно подорвали их здоровье. В начале 1940 г. Алексей Иосифович простудился во время командировки в Москву, получил после ранее перенесенного гриппа «осложнение на сердце» и скончался в больнице 17 января [38, д. 1667, л. 46об.].

Навестившая тогда одинокую и больную 82-х летнюю Надежду Александровну её родственница М. Зыкова сообщала в письмах Н. А. Морозову о планах помещения сестры в «инвалидный дом» или отправки к родным в Геленджик, о приглашении женщины для присмотра, об угрозах переселения в другое жильё («комнату в 8 м») или «подселения», о начислении пенсии по потере кормильца (70 руб.) и плате за лишнюю жилплощадь, о непорядочных квартирантах («могут всё у нее растащить»). В одном из писем упоминались «3 скрипки Ал. Иосиф» и перечислялись имеющиеся в доме ценные вещи – книги, столовые сервизы, бронзовые канделябры и подсвечники, мебель, которые можно «разумно продать» и на вырученные средства «достаточно питаться» [38, д. 703, л. 2–6, 8–8об]. В свою очередь, Надежда Александровна в письмах брату жаловалась на одиночество и болезни, сетовала по поводу бесцеремонности служащих местного жилищно-коммунального отдела и низких цен, предлагаемых за мебель и библиотеку покойного супруга [38, д. 1667, л. 42–42об, 44–50]. Летом 1940 г. Надежда Александровна Седлак скончалась.

Итак, анализ приведенных в статье фактов показывает, что обстоятельства жизни членов семьи И. М. Седлака были теснейшим образом связаны с событиями отечественной истории середины 1870-х – середины 1970-х гг. Пореформенная трансформация российских средних школ в сторону расширенного изучения латинского и греческого языков обусловила приток в мужские гимназии большого числа преподавателей-классиков – этнических славян, проживавших в Австро-Венгрии. Получив образование в Учительском институте славянских стипендиатов, чех из Богемии Иосиф Матвеевич Седлак имел возможность, в случае осложнения

адаптации в России, отработать определенный «Обязательством» четырехлетний срок и вернуться в Богемию. Однако удачная педагогическая деятельность во Владимире и устройство семейной жизни способствовали его закреплению на «новой» Родине, а затем – успешной карьере в Коломне. Считая школу «храмом науки», а преподавание – служением, он, как и подавляющее большинство учителей провинциальных гимназий, был консерватором и сторонился любой оппозиционной или политической деятельности. Но ни традиционализм семьи, ни авторитет родителей не уберегли его детей от влияния переживаемой страной эпохи «бурь и потрясений». И если судебская стезя юриста Алексея Иосифовича соответствовала до 1917 г. господствовавшим в образованном обществе периферии представлениям о благополучии и успехе, то Лидия Иосифовна, получив медицинские знания, полагала применить их на пользу народу, а Евгений Иосифович и Мария Иосифовна увлеклись революционными идеями. Правда, после поражения Первой российской революции бывшие «радикалы», разочаровавшись в «крайних взглядах и действиях», сменили «вехи» в пользу профессиональных знаний и семьи.

Пережив Гражданскую войну в «глубинке», вся семья Седлак осталась в Советской России, в том числе, и Евгений Иосифович, который имел шанс в рядах отступавших из Сибири «белых» войск оказаться в эмиграции в Китае. Видимо, такого рода вопрос не обсуждался ни «старыми», ни, главное, «молодыми» Седлаками, так как личные обстоятельства и убеждения каждого не провоцировали бегство (отъезд) за границу, а, наоборот, давали надежду на приспособление к новой власти: Алексей Иосифович – рассчитывал на востребованность своего служебного опыта и на поддержку Н. А. Морозова, Мария Иосифовна – на Д. Г. Прокудина-Горского, Евгений Иосифович и Лидия Иосифовна – на свой авторитет как специалистов. К тому же материальными средствами для устройства на чужбине интеллигенция периферии не располагала. И действительно, в нэповской России все они получили работу, определенную стабильность и возможности самореализации. Однако сохранявшееся у советского и партийного аппарата недоверие к «бывшим» и опора на «выдвиженцев» из народа и членов ВКП(б) обусловили отстранение Е. И. Седлака от директорства в Боровском лесном техникуме и увольнение А. И. Седлака с ответственной должности в Коломне. И если Евгений Иосифович компенсировал себя в преподавании и науке, то для Алексея Иосифовича случившаяся несправедливость стала источником переживаний (в небольшой Коломне сложно найти достойную работу) и ускорила преждевременный уход из жизни. Документальных свидетельств об антисоветских настроениях в семье Седлак не обнаружено, но косвенно их недовольство проявилось и в письмах А. И. Седлака 1930-х гг. о кадровой политике «верхов», и в реплике Е. И. Седлака о сменившем его директоре – «партийном лице», и в факте сближения сестер Седлакв эвакуации, в Боровом, с семьей ссыльного инженер-полковника К. И. Туроверова.

Таким образом, проведенные биографические изыскания позволили значительно расширить наши представления об общественной позиции, мировоззрении, социальном поведении и судьбах провинциальной интеллигенции России XIX и XX столетий. Одновременно, история просвещения в Московской губернии и в Коломне, в частности, обогатилась новой информацией об одном из видных деятелей дореволюционного гимназического образования.

Но, как оказалось, результаты изучения истории семьи И. М. Седлака имели не только академическую, научно-познавательную полезность, но были востребованными в смежных сферах – музейном деле и краеведении, приобрели общественное и культурно-историческое значение. Дело в том, что научный сотрудник Музея-заповедника «Коломенский кремль» О. Ю. Пономарева, знакомясь несколько лет назад с фондом музейных предметов, заинтересовалась хранящимся с 1940 г. инструментом XVIII в. К инструменту, находившемуся в плохом состоянии, прилагалась сопроводительная записка: «Скрипка 1731 г. немецкой работы.

Принадлежала незаконнорожденной дочери фабриканта Морозова – Надежде Константиновне Морозовой-Седлак. Проживающих в поместье Щурово»; на обороте: «Приобретена от горфина, который после смерти Седлак 1940 г. имущество взял в фонд государства ноябрь 1940 г.». Сейчас невозможно определить источник этой записи, но как рабочая версия об имени последнего владельца инструмента она была заявлена на конференции, посвященной 840-летию Коломны (июнь 2017 г.). Со своей стороны, автором настоящей статьи были предоставлены документальные доказательства ошибочности как самой версии, так и направления поиска в целом. И хотя, действительно, усадьбу Щурово под Коломной в 1906 г. приобрели супруги Ксения Александровна и Иван Давыдович Морозовы, но ни в их родословных, ни в жизненных перипетиях никогда не встречалась фамилия Седлак. А, главное, скончавшаяся в Коломне в 1940 г. Надежда Александровна (!) Седлак никакого отношения к семье предпринимателей Морозовых не имела и была вдовой Алексея Иосифовича Седлака – старшего сына И. М. Седлака.

К тому времени «скрипка», определенная как альт, прошла научную экспертизу во Всероссийском музейном объединении музыкальной культуры имени М. И. Глинки (ВМОМК), в ходе которой окончательно выяснилось происхождение инструмента: он был изготовлен в 1731 г. мастером Кристианом Штримом из Данцига (подтверждена надпись на нижней деке «Kristian Strim Danzig 1731»). После принятия решения о государственной реставрации инструмента её успешно выполнил М. Я. Азоян – главный художник-реставратор струнных смычковых инструментов Отдела реставрации, консервации и экспертизы ВМОМК, эксперт по культурным ценностям Министерства культуры РФ.

Возвращение в Коломну альта уже в статусе особо ценного музейного экспоната предполагало принятие решения о его дальнейшей судьбе: останется ли он частью экспозиции, предназначенной исключительно для визуального осмотра, или возвращенное звучание позволит использовать более широко, т.е. по прямому назначению – в публичных концертно-музыкальных и культурно-просветительских мероприятиях. И сотрудники музея-заповедника «Коломенский кремль» посчитали наиболее приемлемым, совместно с кафедрой отечественной и всеобщей истории Государственного социально-гуманитарного университета и преподавателями 1-го Московского областного музыкального колледжа (Коломна), повторить Проект музея им. Глинки «Звучит Госколлекция». Коломенские музыканты поддержали идею концерта: преподаватель О. В. Новоселова разыграла альт и подобрала репертуар, исходя из особенностей инструмента, а также провела репетиции струнного ансамбля. 1 октября 2017 г., в Международный день музыки, в Музее-заповеднике «Коломенский кремль» состоялась историческая лекция-концерт Проекта «Первые звуки после долгого молчания», посвященная «Одной Эпохе» и «Одному Инструменту» из собрания музея. Музейный зал в интерьере XVIII в. с трудом вместил всех желающих. Выступавшие лекторы осветили историю реставрации альта (О. Ю. Пономарева), сложную судьбу семьи Седлак (Н. С. Ватник), историю скрипичных инструментов (О. В. Новоселова). Благодаря струнному трио – в составе преподавателей Музыкального колледжа О. В. Новоселовой (скрипка, альт) и В. В. Корсаковой (виолончель) и студентки Российской академии музыки им. Гнесиных А. В. Фоминой (альт) – первыми звуками после почти 80-летнего молчания альта стала музыка Иоганна Себастьяна Баха. Очевидный зрительский успех лекции-концерта и благожелательные оценки в СМИ обусловили его повторение в апреле 2018 г. в Музыкальном колледже (в сопровождении оркестра солировала О. В. Новоселова), а позднее – в октябре – для студентов исторического и филологического факультетов ГСГУ [31, 32].

Признанием значимости совместной работы стало представление Проекта «Первые звуки после долгого молчания» на XX Международном фестивале «Интермузей-2018», состоявшемся с 31 мая по 3 июня в Москве. Проект вызвал

интерес у участников фестиваля – профессионалов музейного дела и представителей предпринимательских кругов. Различные аспекты исторической канвы Проекта – судьбы семьи Седлак – были автором сообщены специалистам-историкам на научных конференциях 2019 г. в Московском государственном областном университете и Российском государственном гуманитарном университете.

...А нежные звуки старинного альта напоминают нам сегодня о Коломне прошлого века и большой семье Седлак, которая оказалась «унесенной ветром» войн и революций, став частью нашей общей Истории.

Список источников и литературы

1. Абсеметов М. О. Деятельность эвакуированных ученых в Казахской ССР в 1941–1945 гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.10/ Нац. исследовательский Томский гос. университет. Томск, 2017. 480 с.
2. Аксенов А. И. Московская предпринимательская династия Зиминых: прошлое и настоящее // История Московского края: проблемы, исследования, новые материалы. Вып. 1. М.: Древлехранилище, 2006.
3. Бальмонт К. Д. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1969. 712 с. (Б-ка поэта. Большая сер. 2-е изд.)
4. Бальмонт М. Ю. Константин Бальмонт – необычный ученик Владимирской гимназии // Материалы XIX межрегиональной краеведческой конференции (25 апр. 2014 г.). Владимир: Владим. обл. науч. б-ка им. М. Горького, 2015. С. 447-453.
5. Басаргина Е. Ю. Из истории классического образования в России: Учительский институт славянских стипендиатов // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2010. № 14-1. С. 93-104.
6. Басаргина Е. Ю. Из истории реформы Д. А. Толстого: А. И. Георгиевский // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 1 (2). С. 20-23.
7. Блохина В. П. История крестьянского рода Зверевых как часть истории подмосковного села Большие Мытищи. XVIII - XX вв. // История Московского края: проблемы, исследования, новые материалы. Вып. 5. М., 2015.
8. Боханов А. Н. Николай II. М.: Вече, 2008. 524 с.
9. Боханов А. Н. Борис Годунов. Между двумя династиями. М.: Вече, 2012. 352 с.
10. Валянкий С. И., Недосекина И. С. Отгадчик тайн, поэт и звездочет: о жизни и творчестве русского ученого-энциклопедиста Н. А. Морозова. М.: Крафт+, 2004. 784 с.
11. Герои и антигерои Отечества: сб. / сост. В. М. Забродин. М.: Информапресс, 1992. 447 с.
12. Государственная дума. (1;1). Стенографические отчеты/ Гос. дума. 1906 г. Сессия 1-я. Т. 2: Заседания 19-38 (с 1 июня по 4 июля). СПб., 1906. 2013 с.
13. Домовая Церковь Александра Невского при мужской гимназии [Электронный ресурс] // Любовь безусловная: сайт. URL: <http://lubovbezusl.ru/publ/istorija/vladimir/i/37-1-0-3464> (дата обращения: 1.03.2020)
14. Захаров А. В. Историческая записка о Владимирской губернской гимназии за время 1833-1904 годов. Ч.1-2. Владимир: Тип. губернского правления, 1909. [2], II, 402, 46 с.
15. Кардовский Д. Н. Об искусстве: Воспоминания, статьи, письма / сост. Е. Д. Кардовская. М.: Изд-во Академии художеств СССР, 1960. 340 с.
16. Кожевникова А. А. И. А. Шляков и его вклад в развитие краеведения Ярославской губернии // Третьи всероссийские краеведческие чтения (Москва

- Коломна, 22-23 июня 2009 г.) / отв. ред. В. Ф. Козлов. М.: Москвоведение: Московские учебники, 2009.
17. Ключкин В. У истоков лесной науки региона // Акмолинская правда. 2019. № 4. 10 янв.
  18. Крекова Я. А., Залесов С. В. История интродукции древесных растений на территории Западной Сибири и Северного Казахстана // Леса России и хозяйство в них. 2019. № 2 (69). С. 4-14.
  19. Куприяновский П. В., Молчанова Н. А. Бальмонт. М.: Молодая гвардия, 2014. 345 с.
  20. Ляшенко Л. М. Александр II, или История трех одиночеств. М.: Молодая гвардия, 2002. 359 с.
  21. Московское дворянство: алфавитный список дворянских родов с кратким указанием важнейших документов, находящихся в родословных делах Архива Московского дворянского депутатского собрания. М.: Тип. Л. В. Пожидаевой, [1910]. 614 с.
  22. Пресняков А. Е. Александр I. Петербург: Брокгауз-Ефрон, 1924. 188 с.
  23. Птицын А. Н. Южнославянские учителя в России в последней трети XIX века // Наука, инновации, технологии. 2013. № 2. С. 173-182.
  24. Революционеры текстильного края / В. А. Балукон [и др.]; науч. ред.-сост. В. П. Терентьев. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1980. 327 с.
  25. Синельников Т. П. Подвиг смирения. Архимандрит Владимир (Василий Петрович Добролюбов) // Третьи Яхонтовские чтения: материалы науч.-практической конф. Рязань, 12-15 окт. 2004 г. Рязань, 2005. С. 165-176.
  26. Седлак Е. И. Боровской лесной питомник // Государственный заповедник и Курорт Боровое: сб. ст./ под ред. проф. П. Л. Драверта. Омск: Омское обл. гос. изд-во, 1940. С. 91-100.
  27. Седлак Е. И. Материалы к климатической характеристике Боровского района // Записки по лесному опытному делу Боровского лесного техникума. Вып. 1. Омск, 1931. С. 73-79.
  28. Седлак Е. И. Материалы по интродукции деревьев и кустарников в лесах Северного Казахстана // Труды КазНИИЛХ. 1966. Т. 6. С. 159-200.
  29. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917 – 1918 гг. / Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. 1483 с.
  30. Справочная книга об учебных заведениях Московского учебного округа на 1901-1902 учебный год. Ч. 1. М.: Канцелярия попечителя Московского учеб. округа, 1902. 461 с.
  31. В День музыки в Коломне зазвучал альти XVIII века // Угол зрения. 2017. № 40 (871). 11 окт. С. 4.
  32. Тарасова Е. Тайны старинного альта // Угол зрения. 2018. № 41 (923). 17 окт.
  33. Чулков Г. И. Императоры. Психологические портреты. М.: Госиздат, 1928. 367 с.
  34. Чибиряев С. А. Великий русский реформатор: Жизнь, деятельность, политические взгляды М. М. Сперанского. М.: Воскресенье, 1993. 238 с.
  35. Филаткина Н. А. Династия Морозовых: лица и судьбы. М.: Изд. Дом ТОНЧУ, 2011. 582 с.
  36. Шаблин А. А. Влазнев В. К.: сельский краевед в пореформенной России. Рязань: Русское слово, 2013. 207 с.
  37. 1905 г. на Московско-Курской, Нижегородской и Муромской железной дороге: сб. ст., воспоминаний, документов. М., 1931. 128 с.
  38. Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4.
  39. Архивный отдел Администрации городского округа Коломна Московской области. Ф. 132. Оп. 1.

40. Государственный архив Бурабайского района Акмолинской области (Республика Казахстан). Ф. Боровский сельскохозяйственный (лесной техникум). Личное дело Седлака Е. И.
41. РГИА. Ф. 733. Оп. 165.
42. РГИА. Ф. 733. Оп. 169.
43. РГИА. Ф. 1405. Оп. 545.
44. ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 3.
45. Архив семьи И. Корнелюк.

References

1. Absemetov M. O. *Deyatel'nost' evakuirovannykh uchenykh v Kazakhskoy SSR v 1941–1945 gg.: dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.10 [Activity of evacuated scientists in the Kazakh SSR in 1941–1945: thesis]*. National Research Tomsk State University, Tomsk, 2017. 480 p.
2. Aksenov A. I. *Moskovskaya predprinimatel'skaya dinastiya Ziminykh: proshloye i nastoyashcheye [Moscow entrepreneurial dynasty of the Zimin: past and present]*. *Istoriya Moskovskogo kraya: problemy, issledo-vaniya, novyye materialy*. Issue 1. Moscow: Drevlekhranilishche publ, 2006.
3. Balmont K. D. *Stikhotvoreniya [Poems]*. Leningrad: Sovetskiy pisatel' publ, 1969. 712 p. (B-ka poeta. Bol'shaya ser. 2-ye izd.)
4. Balmont M. Yu. *Konstantin Bal'mont – neobychnyy uchenik Vladimir-skoy gimnazii [Konstantin Balmont, an unusual student of the Vladimir gymnasium] Materialy XIX mezhhregional'noy krayevedcheskoy konferentsii (25 apr. 2014 g.) [Materials of the 19th interregional conference of local lore (April 25, 2014)]*. Vladimir: Vladim. obl. nauch. b-ka im. M. Gor'kogo publ, 2015. pp. 447-453.
5. Basargina Ye. Yu. *Iz istorii klassicheskogo obrazovaniya v Rossii: Uchi-tel'skiy institut slavyanskikh stipendiatov [From the history of classical education in Russia: Teaching Institute of Slavic scholarship holders]*. *Indo-evropeyskoye yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European language knowledge and classical philology]*. 2010. No. 14-1. pp. 93-104.
6. Basargina Ye. Yu. *Iz istorii reformy D. A. Tolstogo: A. I. Georgiyevskiy [From the history of the reform of D.A. Tolstoy: A. I. Georgievsky]*. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. 2012. No. 1 (2). pp. 20-23.
7. Blokhina V. P. *Istoriya krest'yanskogo roda Zverevykh kak chast' istorii podmoskovnogo sela Bol'shiye Mytishchi. XVIII - XX vv. [The history of the peasant family of the Zverevs as part of the history of the village near Moscow Bolshiye Mytishchi. 18th–20th centuries]*. *Istoriya Moskovskogo kraya: problemy, issledovaniya, novyye materialy [History of the Moscow region: problems, research, new materials]*. Issue 5. Moscow, 2015.
8. Bokhanov A. N. *Nikolay II [Nicholas II]*. Moscow: Veche publ, 2008. 524 p.
9. Bokhanov A. N. *Boris Godunov. Mezhdv dvumya dinastiyami [Boris Godunov. Between two dynasties]*. Moscow: Veche publ, 2012. 352 p.
10. Valyanskiy S. I., Nedosekina I. S. *Otgadchik tayn, poet i zvezdochet: o zhizni i tvorchestve russkogo uchenogo-entsiklopedista N. A. Morozova [Guesser of mysteries, poet and astrologer: about the life and work of the Russian scientist-encyclopdist N.A. Morozov]*. Moscow: Kraft+ publ, 2004. 784 p.
11. *Geroi i antigeri Otechestva: sb. [Heroes and antiheroes of the Fatherland]*. Comp. by V. M. Zabrodin. Moscow: Informapress publ, 1992. 447 p.

12. Gosudarstvennaya дума. (1;1). Stenograficheskiye otchety [State Duma. (1; 1). Verbatim records]. *Gos. дума. 1906 г. Sessiya 1-ya. T. 2: Zasedaniya 19-38 (s 1 iyunya po 4 iyulya)* [State Duma. 1906 Session 1. Volume 2: Sessions 19-38 (June 1 to July 4)]. SPb., 1906. 2013 p.
13. Domovaya Tserkov' Aleksandra Nevskogo pri muzhskoy gimnazii [House Church of Alexander Nevsky at the male gymnasium] [Electronic resource]. *Lyubov' bezuslovnyaya*: site. URL: <http://lubovbezusl.ru/publ/istorija/vladimir/i/37-1-0-3464> (accessed: 1.03.2020)
14. Zakharov A. V. *Istoricheskaya zapiska o Vladimirskoy gubernskoy gimnazii za vremya 1833-1904 godov. CH.1-2* [Historical note about the Vladimir provincial gymnasium for the period 1833-1904. Part 1-2]. Vladimir: Tip. gubernskogo pravleniya publ, 1909. [2], II, 402, 46 p.
15. Kardovskiy D. N. *Ob iskusstve: Vospominaniya, stat'i, pis'ma* [About art: Memories, articles, letters]. Comp. by E.D. Kardovskaya. Moscow: Izd-vo Akademii khudozhestv SSSR publ, 1960. 340 p.
16. Kozhevnikova A. A. I. A. Shlyakov i yego vklad v razvitiye krayevedeniya Yaroslavskoy gubernii [I. A. Shlyakov and his contribution to the development of local history of the Yaroslavl province]. *Tret'i userossiyskiye krayevedche-skiye chteniya (Moskva–Kolomna, 22-23 iyunya 2009 g.)* [Third All-Russian Local History Readings (Moscow - Kolomna, June 22-23, 2009)]. Ed. V. F. Kozlov. Moscow: Moskvovedeniye: Moskovskiyе uchebniki publ, 2009.
17. Klyukin V. U istokov lesnoy nauki regiona [At the origins of the region's forest science]. *Akmolinskaya pravda*. 2019. No. 4. 10 January.
18. Krekova Ya. A., Zalesov S. V. Istoriya introduksii drevesnykh rasteniy na territorii Zapadnoy Sibiri i Severnogo Kazakhstana [History of the introduction of woody plants on the territory of Western Siberia and Northern Kazakhstan]. *Lesa Rossii i khozyaystvo v nikh* [Forests of Russia and the activity in them]. 2019. No 2 (69). Pp. 4-14.
19. Kupriyanovskiy P. V., Molchanova N. A. *Bal'mont* [Balmont]. Moscow: Molodaya gvardiya publ, 2014. 345 p.
20. Lyashenko L. M. *Aleksandr II, ili Istoriya trekh odinochestv* [Alexander II, or the Story of Three Loneliness]. Moscow: Molodaya gvardiya publ, 2002. 359 p.
21. *Moskovskoye dvoryanstvo: alfavitnyy spisok dvoryanskikh rodov s kratkim ukazaniyem vazhneyshikh dokumentov, nakhodyashchikhsya v rodo-slovnykh delakh Arkhiva Moskovskogo dvoryanskogo deputatskogo sobraniya* [Moscow nobility: an alphabetical list of noble families with a brief indication of the most important documents in the ancestral files of the Archives of the Moscow noble deputy assembly]. Moscow: Tip. L. V. Pozhidayevoy publ, [1910]. 614 p.
22. Presnyakov A. Ye. *Aleksandr I* [Alexander I]. Petersburg: Brokgauz-Yefron publ, 1924. 188 p.
23. Ptitsyn A. N. Yuzhnoslavnyanskiye uchitelya v Rossii v posledney treti XIX veka [South Slavic teachers in Russia in the last third of the XIX century]. *Nauka, innovatsii, tekhnologii* [Science, innovations, technologies]. 2013. No 2. Pp. 173-182.
24. Balukov V. A. [et al.] (Ed. V. P. Terent'yev) *Revolutsionery tekstil'nogo kraya* [Revolutionaries of the textile region]. Yaroslavl': Verkh.-Volzh. kn. izd-vo publ, 1980. 327 p.
25. Sinel'nikov T. P. Podvig smireniya. Arkhimandrit Vladimir (Vasiliy Petrovich Dobrolyubov) [A feat of humility. Archimandrite Vladimir (Vasily Petrovich Dobrolyubov)]. *Tret'i Yakhontovskiyе chteniya: ma-terialy nauch.-prakticheskoy*

- konf Ryazan', 12-15 okt. 2004 g. [Third Yakhontov Readings: Materials of Scientific and Practical Conf. Ryazan, 12-15 Oct., 2004].* Ryazan, 2005. Pp. 165-176.
26. Sedlak Ye. I. (Ed. by prof. P. L. Dravert) Borovskoy lesnoy pitomnik [Borovskoy forest nursery]. *Gosudarstvennyy zapovednik i Kurort Borovoye: sb. st. [State reserve and resort Borovoye: collection of articles]*. Omsk: Omskoye obl. gos. izd-vo publ, 1940. Pp. 91–100.
  27. Sedlak Ye. I. Materialy k klimaticheskoy kharakteristike Borovskogo rayona [Materials for the climatic characteristics of the Borovsk region]. *Zapiski po lesnomu opytному delu Borovskogo lesnogo tekhnikuma [Notes on the experimental forestry case of the Borovsk forestry college]*. Issue 1. Omsk, 1931. Pp. 73-79.
  28. Sedlak Ye. I. Materialy po introduktsii derev'yev i kustarnikov v lesakh Severnogo Kazakhstana [Materials on the introduction of trees and shrubs in the forests of Northern Kazakhstan]. *Trudy KazNIILKH [Proceedings of Kazakh Research Institute of Forestry and Agroforestry]*. 1966. Vol. 6. Pp. 159–200.
  29. *Sobraniye uzakoneny i rasporyazheniy pravitel'stva za 1917 – 1918 gg. [Collection of legalizations and government orders for 1917–1918]*. Upravleniye delami Sovnarkoma SSSR [Administration of the USSR Council of People's Commissars]. Moscow, 1942. 1483 p.
  30. *Spravochnaya kniga ob uchebnykh zavedeniyakh Moskovskogo uchebnogo okruga na 1901-1902 uchebnyy god [Reference book on educational institutions of the Moscow educational district for the 1901–1902 academic year]*. Part 1. Moscow: Kantselyariya popechitelya Moskovskogo ucheb. okruga publ, 1902. 461 p.
  31. V Den' muzyki v Kolomne zazvuchal al't XVIII veka [On the Day of Music in Kolomna, an 18th century viola sounded]. *Ugol zreniya*. 2017. No 40 (871). 11 okt. Pp. 4.
  32. Tarasova Ye. Tayny starinnogo al'ta [Secrets of the ancient viola]. *Ugol zreniya*. 2018. No 41 (923). 17 Oct. Pp. 1-2.
  33. Chulkov G. I. *Imperatory. Psikhologicheskiye portrety [Emperors. Psychological portraits]*. Moscow: Gosizdat publ, 1928. 367 p.
  34. Chibiriyayev S. A. *Velikiy russkiy reformator: Zhizn', deya-tel'nost', politicheskiye vzglyady M. M. Speranskogo [The great Russian reformer: Life, activity, political views of M. M. Speransky]*. Moscow: Voskresen'ye publ, 1993. 238 p.
  35. Filatkina N. A. *Dinastiya Morozovykh: litsa i sud'by [The Morozov Dynasty: Faces and Fates]*. Moscow: Izd. Dom TONCHU publ, 2011. 582 p.
  36. Shablin A. A. *Vlaznev V. K.: sel'skiy krayeved v porefor-mennoy Rossii [Vlaznev V. K.: rural ethnographer in post-reform Russia]*. Ryazan': Russkoye slovo publ, 2013. 207 p.
  37. *1905 g. na Moskovsko-Kurskoy, Nizhegorodskoy i Muromskoy zheleznoy doroge: sb. st., vospominaniy, dokumentov [1905 on the Moscow-Kursk, Nizhny Novgorod and Murom railways: article collection, memoirs, documents]*. Moscow, 1931. 128 p.
  38. *Arkhiv RAN [Archive of the RAS]*. Fund. 543. Inventory 4.
  39. *Arkhivnyy otdel Administratsii gorodskogo okruga Kolomna Moskovskoy oblasti [Archive department of the Administration of the city district Kolomna, Moscow region]*. Fund 132. Inventory 1.
  40. *Gosudarstvennyy arkhiv Burabayskogo rayona Akmolinskoy oblasti (Respublika Kazakhstan) [State Archives of Burabay District of Akmola Region (Republic of Kazakhstan)]*. Fund Borovskiy sel'skokhozyaystvennyy (lesnoy tekhnikum) [Borovsk agricultural (forestry college)]. Lichnoye delo Sedlaka Ye. I. [Personal file of E. I. Sedlak].
  41. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive]*. Fund 733. Inventory 165.

42. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive]. Fund 733. Inventory 169.*
43. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive]. Fund 1405. Inventory 545.*
44. *Gosudarstvennoye byudzhethnoye uchrezhdeniye goroda Moskvy «Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv goroda Moskvy» (GBU «TSGA Moskvy» [State budgetary institution of the city of Moscow "Central State Archives of the City of Moscow" (GBU "TsGA Moscow")]. Fund 459. Inventory 3.*
45. *Arkhiv sem'i I. Kornelyuk [Archive of I. Kornelyuk's family].*

Сведения об авторе

Ватник Нисон Семенович,
кандидат исторических наук, доцент
кафедры отечественной и всеобщей
истории ГОУ ВО МО «Государственный
социально-гуманитарный университет»
(e-mail: vanis@list.ru).

Information about the Author

Vatnik Nison Semyonovich,
Candidate of Historical Sciences, Associate
Professor of the Department of
national and world history of
State social humanitarian University
(e-mail: vanis@list.ru).